

Содержание

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Перевод Н. Трауберг 5

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ГЕНРИ

Перевод Е. Доброхотовой-Майковой 157

ГРАБЯТ ЛИ ДВОРЕЦКИЕ БАНКИ?

Перевод Е. Доброхотовой-Майковой 373

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Глава 1

1

Сержант, сидевший за своим столом в небольшой парижской полиции, был так спокоен, вял и неповоротлив, словно его изготовили из нутряного сала. Роджет¹ в своем толковом словаре нашел бы для него выражения «вялый, бесстрастный, тупой», которые нимало не подошли бы стоящему перед ним молодому человеку, напоминавшему скорее кота на раскаленной плите. Лингвист применил бы к Джерри Шусмиту слово «прыгучий», а сторонний наблюдатель решил бы, что его подвергают пытке, которая заменила во Франции так называемую «третью степень»².

Однако волновался он по более прозаической причине. Завершая отдых в Париже, он потерял бумажник, где лежали ключи от временной его квартиры. Беспокоила же его мысль о том, где он будет ночевать, если бумажник не нашли.

¹ Роджет, Питер Марк (1779–1860) — английский лексикограф.

² Третья степень — допрос с пристрастием.

Пока это было неясно. Сержант, ставивший печати в том ритме, в каком играют на ударных инструментах, от дела не оторвался. Неудобно мешать серьезным людям, но Джерри чувствовал, что придется.

— Pardon, monsieur, — сказал он.

Сержант оторвался от бумаг. Если его удивило, что он не один, он этого не выказал. Как мы заметили, его лицо не выражало эмоций.

— Да?

— Я насчет бумажника. Потерял, знаете...

— Вон та дверь. К секретарю.

— Я там был, меня послали сюда.

— Правильно. Сперва — он, потом — я.

— Если я опять к нему пойду, он опять пошлет к вам?

— Конечно.

— И вы все равно...

— Вон та дверь.

— А он пошлет?

— Конечно.

— А вы пошлете к нему?

— Когда речь идет о пропаже личных вещей, так положено.

Джерри задрожал, падая при этом духом, ибо он понял, что перед ним — несравненная французская бюрократия. Там, где Лондон и Нью-Йорк скользят по поверхности, галлы идут в глубину. Известно, что французский чиновник может в рекордный срок довести до седых волос, которые клиент немедленно начнет вырывать.

— О, Господи! — вскричал Джерри. — Карусель какая-то!

Сержант заверил его, что никогда не катался на карусели.

— Зря, — сказал Джерри, — попробуйте. Будете чемпионом, хотя секретарь — серьезный соперник. Хорошо, я пойду к нему — а потом куда? К Брижит Бардо?

Секретарь терпеливо объяснил, что мадемуазель Бардо не связана с полицейской службой. Джерри его поблагодарил.

— Пока я с вами, — прибавил он, — сообщу, что потерял бумажник. В нем деньги и ключи. К счастью, паспорт и билет — при мне, а то бы не смог вернуться в Лондон.

— Вы англичанин?

— Да.

— По-французски неплохо говорите.

— Поднабрался, знаете ли. Много читаю.

— Ясно. Акцент — мдэ, м-м, но понять можно, можно. Значит, бумажник. Где утерян? Время суток?

Джерри подумал.

— В кино, вроде бы. Наверное, оставил в зале.

— Кинотеатр, название?

— Ну, тут, рядом.

Сержант впервые проявил какие-то чувства.

— Это я знаю, сам хожу. В свободное время. Что там идет?

— Не помню, как называется. Такая, знаете, цветочница, стала знаменитой актрисой. Что-то у нее

эдакое в глазах. А потом узнали, что один глаз — стеклянный. Сами понимаете, что вышло!

— Это новый. На той неделе я смотрел про девицу. Влюбился в нее один тип, очень развратный, и она решила его исправить. Ну, он исправился, пошел в монахи, а она — на панель. Смеялся, чуть не лопнул. Во напортачили, а?

Джерри согласился, что герои фильма внесли в свою жизнь порядочную путаницу, но, по своей односторонности, вернулся к главной теме. Приятно поболтать об искусстве, и все же — дело есть дело.

- А вот бумажник... — начал он.
- Мдэ...
- Если вы помните, я его потерял.
- Помню. Из чего изготовлен?
- Такой, знаете, кожаный.
- Точнее.
- Крокодиловый, что ли.
- Окраска?
- Коричневый, знаете, красноватый.
- Так. Размеры?
- Дюймов шесть в длину.
- Надпись есть?
- «Д. Ш.», золотом.

Сержант вспомнил, что именно такой бумажник ему принесли из кино минут пятнадцать назад, но уважающий себя француз, если он служит в полиции, не позволит таким пустякам нарушить мерный ритм дела.

- Ключи содержит?
- Я же сказал!

- В каком количестве?
 - Два ключа.
 - Назначение?
 - Простите?
 - От каких дверей ключи?
 - А, вот что! От первой и второй двери в квартиру.
 - У вас имеется квартира в Париже?
 - Не у меня, у дяди. Он приезжает на уик-энд. Сержант настолько забылся, что присвистнул.
 - Это какие же деньги надо!
 - Он богатый человек. Известный юрист, они — акулы.
 - И предоставил вам квартиру?
 - Да, чтоб не тратился на гостиницу. Это очень удобно... кроме таких случаев. Теперь я в нее не попаду.
 - В силу отсутствия ключей?
 - Вот именно. А войти надо.
- Сержант с исключительной ловкостью поставил несколько печатей.
- Размер?
 - Чего, ключей? Один — побольше, другой — поменьше.
- Сержант поджал губы.
- Описать можете?
 - Маленький — плоский, большой — круглый.
 - Круглый?
 - Ну, такой, объемный. Как все ключи.
 - Видимо, не все... Туманно, туманно. Резьба на бородке?

— Простите?!

— Я спрашиваю, есть ли у какого-либо из ключей резьба на бородке. Ясно?

— Нет.

— Нет резьбы?

— Не знаю.

Сержант удивился.

— Вы же сказали: «Нет», а теперь. — «Не знаю».

Так мы далеко не уйдем.

— Я сказал: «Нет, неясно».

— Почему?

— Я не понимаю, где у ключа бородка.

Сержант ушам своим не поверил.

— То есть, как? — Он вынул из кармана ключи. — Видали? Вот — бородка. Теперь можете сказать, есть резьба?

— Нет.

Насколько позволяли черты лица, сержант выразил радость.

— Ага! Прекрасно. Резьбы нет.

— Я не знаю! Вы спросили, могу ли я ответить, и я ответил — нет, не могу. Господи, зачем это вам?

Сержант огорчился. Он был спокойный человек, но тут подумал, что клиент попался трудный.

— Нужен порядок. Система. Хорошо, перейдем к деньгам. Сколько их было, то есть сумма?

— Их немного.

— А точнее?

— Бумажка в тысячу франков и сдача, франков двести.

- Содержимое — тысяча двести франков, два ключа — крупный и мелкий. Так?
- Да.
- Бумажник изготовлен из кожи?
- Да.
- Коричневого цвета с красноватым оттенком?
- Да.
- С инициалами «Д. Ш.»?
- Да.
- Вот он, — сообщил сержант, открывая ящик. — Резьба есть. Сумма... так, так... тысяча двести двадцать франков. — Приложив линейку, он покачал головой. — Пять с половиной дюймов. Хорошо, я не бюрократ. Сейчас подпишем заявление.

Он вынул три листа бумаги, переложил их копиркой и стал выводить буквы, как толстый ребенок, трудящийся над прописью.

- Имя, фамилия?
- Джеральд Шусмит.
- Фамилия — Жераль?
- Нет, это имя.
- Тогда Шу-Смит, Жераль.
- А можно бумажник? Я бы пошел и лег.
- Все в свое время. Адрес?
- Лондон, Хэлси-корт, Хэлси-Чамберс, квартира три.
- Эл-си?
- Хэлси. Через «Аш».
- Возраст?
- Двадцать семь.

- Род занятий?
- Журналист. Служу в газете. Собственно, я издаю «Светские сплетни».
- Скажем так, работник прессы.

Сержант писал еще что-то и что-то бормотал, но Джерри уловил только «...не мог указать, имеется ли резьба на бородке». Потом он все прочитал так тщательно, словно перед ним — рукопись Мертвого моря, и протянул заявление Джерри.

- Тот подписал и радостно схватил бумажник.
- Минуточку! — сказал служитель закона.
- Так вроде все в порядке.
- Надо марки приkleить.
- Сколько они стоят?
- Двадцать франков.
- Ну, возьмите.
- Они в бумажнике.
- А вы их выньте. — Сержант очень удивился.
- Вынуть? — хрипло прошептал он.
- Конечно.
- А если вы скажете, что денег меньше, чем означенено?
- Не скажу.
- Откуда я знаю? Все надо делать по порядку.
- И верно, мы ведь не спешим.
- Я тут буду до утра.
- Как и я, по-видимому. Можно, я закрою лицо руками? Если разрешите, я поплачу. Это недолго.

Действительно, через некоторое время Джерри посмотрел на сержанта, и взгляд его был веселее.